

Оглавление

Часть I. Пепел

1	9
2	21
3	37
4	53
5	65
6	79
7	92
8	107
9	121

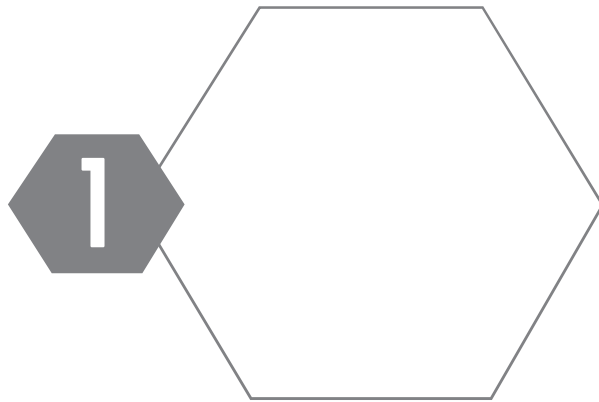
Часть II. Атака

10	141
11	155
12	168
13	179
14	192
15	203
16	215
17	230
18	243

Часть III. Покушение

19	261
20	273
21	285
22	299
23	310
24	325
25	342
26	352
27	365
Эпилог	381

Часть I
ПЕПЕЛ



Я опускаю глаза и вижу, как на мои изношенные туфли тонким слоем ложится пепел. Вот тут стояла кровать, которую делили мы с Прим. Там, напротив, — кухонный стол. Ориентиром мне служит груда черных от сажи кирпичей, в которую превратилась печка. Как бы иначе я разобралась в этом море серости?

От Дистрикта-12 не осталось почти ничего. Месяц назад капитолийские зажигательные бомбы спалили дотла бедные домишки шахтеров в Шлаке, лавки и магазины в центре и даже Дом правосудия. Огня избежала только Деревня победителей. Не знаю почему. Возможно, чтобы тем, кто приедет сюда по делам из Капитолия, было где остановиться. Репортерам, комиссии по оценке угольных шахт, бригаде миротворцев в поисках возвращающихся беженцев.

Пока приехала лишь я. Ненадолго. Власти Дистрикта-13 не одобряли мою поездку — мол, дорогостоящая

и бессмысленная авантюра. Ради моей защиты им пришлось поднять по меньшей мере двенадцать планолетов, которые незримо кружат где-то вверху. Никаких полезных сведений поездка не даст. Но я должна была увидеть все сама. Даже поставила это условием нашего сотрудничества.

В конце концов Плутарх Хевенсби, главный распорядитель Голодных игр и предводитель мятежников в Капитолии, сдался:

— Пусть едет. Лучше потерять день, чем еще месяц. Возможно, так она скорее убедится, что мы на одной стороне.

На одной стороне... Левый висок пронзает боль, я прижимаю к нему ладонь. Сюда ударила меня катушкой проволоки Джоанна Мэйсон. Воспоминания вихрем проносятся в голове, пока я пытаюсь сообразить, где истина, а где ложь. Какая череда событий привела к тому, что я стою теперь посреди развалин своего города? Мысли путаются — сказывается сотрясение мозга после того удара. Из-за лекарств, которыми меня пичкают от физической и душевной боли, я порою вижу то, чего нет. Хотя точно не знаю. Я до сих пор не вполне уверена, что, когда однажды пол моей больничной палаты превратился в ковер из кишасших змей, это и впрямь было галлюцинацией.

Я использую способ, подсказанный одним из врачей: начинаю с простейшего — того, что знаю наверняка, — затем перехожу к более сложному.

Меня зовут Китнисс Эвердин. Мне семнадцать лет. Моя родина — Дистрикт-12. Я участвовала в Голодных играх. Сбежала. Капитолий меня ненавидит. Пита схватили. Его считают погибшим. Скорее всего, он убит. Возможно, лучше, чтобы был убит.

— Китнисс? Мне спуститься? — слышится в наушниках, которые мне навязали повстанцы. Мой друг Гейл вверху, на планолете. Внимательно наблюдает за мной и в случае чего мигом спустится.

Я осознаю, что сижу на корточках, обхватив голову руками. Должно быть, со стороны кажется, будто я на грани нервного срыва. Так дело не пойдет. Меня только-только понемногу начали отучать от лекарств.

Выпрямляюсь.

— Нет, все в порядке.

В подтверждение отхожу от моего прежнего дома и брежу в центр. Гейл хотел высадиться вместе со мной, но не настаивал, когда я отказалась. Понимает: любая компания мне сегодня в тягость. Даже его. Есть дороги, которые нужно пройти в одиночку.

Лето выдалось сухим и знойным. Редкие дожди не смыли кучи золы. Она вспархивает от моих шагов и тут же оседает. Ветра нет. Я внимательно смотрю под ноги. Здесь раньше была дорога. Высадившись на Луговине, я споткнулась о камень. Только оказалось, что это не камень, а человеческий череп. Он откатился, зияющие глазницы уставились в небо. Я долго не могла отвести взгляд от зубов, гадая, кому они принадлежали, и представляя, как выглядели бы мои.

По привычке стараюсь придерживаться дороги, но она усеяна останками людей, пытавшихся спастись бегством. Некоторые сгорели полностью, другие, избежав огня, задохнулись от дыма. Над полуразложившимися трупами кишат мухи. Вас всех убила я. И тебя. И тебя. И тебя...

Потому что так и есть. Моя стрела, разрушившая силовое поле, вызвала огненный шквал возмездия и повергла в хаос весь Панем.

В голове звучат слова президента Сноу, сказанные мне перед туром победителей: «Вы, Огненная Китнисс, бросили искру, способную разгореться в адское пламя, которое уничтожит Панем». Он не преувеличивал. Возможно, он искренне пытался заручиться моей поддержкой, хотя от меня уже ничего не зависело.

«Пожар все еще продолжается», — машинально отмечаю я. Угольные шахты вдали изрыгают клубы черного дыма. Впрочем, кому какое дело? Почти все жители Дистрикта погибли. Оставшиеся восемь процентов укрылись в Дистрикте-13 — бесприютные беженцы, навсегда лишившиеся родины.

Конечно, так думать не следует. Я должна быть благодарна за то, что нас приняли. Больных, израненных, голодных, нищих. Однако мне не дает покоя мысль, что, если бы не мятежники Дистрикта-13, Двенадцатый был бы цел. Это не снимает вины с меня — ее хватит на всех. Но что бы я смогла без них?

Жители Дистрикта-12 вообще ни в чем не виноваты, им просто не повезло, что у них есть я. И все же некоторые выжившие рады, что вырвались оттуда. Прочь от голода и гнета, гибельных шахт, от плети начальника миротворцев Ромулуса Треда. Крыша над головой — уже счастье, ведь до недавнего времени мы и не подозревали о существовании Дистрикта-13.

Все, кто выжил, целиком обязаны своим спасением Гейлу, хотя сам он этого не признает. Как только Квартальная бойня была сорвана — когда меня вытащили с арены, — в Дистрикте-12 отключили электричество, экраны телевизоров погасли, и в Шлаке настала такая тишина, что люди слышали биение чужих сердец. Никто и не думал ни протестовать, ни ликовать по поводу случившегося на аре-

не, но уже четверть часа спустя небо заполнилось планолетами и градом посыпались бомбы.

Гейл вспомнил про Луговину — одно из немногих мест, свободных от старых деревянных построек, пропитанных угольной пылью. Он направил туда всех, кого смог собрать, включая мою маму и Прим. Люди снесли проволочное ограждение, теперь обесточенное и безопасное, и Гейл увел их в лес, к озеру, которое отец показывал мне в детстве. Они стояли там и смотрели издали, как пламя пожирает весь их мир.

К рассвету бомбардировщики улетели, языки пламени опали, и к озеру подтянулись последние из спасшихся. Мама и Прим развернули пункт первой помощи, лечили раненых целебными травами из леса. У Гейла было два лука со стрелами, охотничий нож, рыболовная сеть и восемь с лишним сотен напуганных и голодных людей. Гейлу помогали все, кто был в состоянии охотиться. Удалось продержаться три дня. А потом неожиданно прилетел планолет из Дистрикта-12. На новом месте уцелевших разместили в чистых квартирах с белыми стенами, снабдили новой одеждой и кормили три раза в день. К сожалению, жилье подземное, одежда совершенно одинаковая, а еда довольно безвкусная, но для беженцев из Двенадцатого это мелочи. Главное — они живы, они в безопасности, их не бросили на произвол судьбы, а приняли с распростертыми объятиями.

Вначале я никак не могла понять, с чего это нам так радуются, но один человек по имени Далтон открыл мне глаза.

— Вы им нужны. Я им нужен. Мы все. Некоторое время назад у них тут была какая-то эпидемия вроде оспы. Многие умерли, остальные стали бесплодными. Племенной скот — вот кто мы для них.

Несколько лет назад Далтон сбежал из Дистрикта-10 и пешком пришел в Тринадцатый. У себя в Десятом он работал на скотоводческой ферме. Занимался сохранением генетического разнообразия стада при помощи замороженных коровьих эмбрионов. Похоже, он знает, о чем говорит, — детей в Тринадцатом и вправду почти не видно. Ну и что с того? Нас не держат в загоне, дают возможность получить профессию, дети ходят в школу. Подростки старше четырнадцати получили низший армейский чин, их теперь почтительно называют солдатами. Каждому беженцу власти автоматически предоставили гражданство.

Все равно ненавижу их. Хотя теперь я почти всех ненавижу. Больше всего себя.

Дорога под ногами стала тверже, под ковром пепла чувствуется булыжная мостовая. Я на площади. Ее границами служат невысокие насыпи из золы и мусора, в которые превратились магазины. Груда черных обломков на месте Дома правосудия.

Иду туда, где стояла пекарня родителей Пита. Я узнаю ее только по оплавленной печи. Родители Пита и оба старших брата погибли в огне. Из тех, кто в Дистрикте-12 считался зажиточными, спаслось не больше десятка. Питу не к кому больше возвращаться. Кроме меня...

Отступив на несколько шагов, я спотыкаюсь и падаю на кусок раскаленного от солнца металла. Что это? Тут я вспоминаю недавние нововведения Треда. Колодки, позорный столб и виселица, на обломках которой я теперь сижу. Черт. Вот угораздило. Перед глазами проносятся картины, мучающие меня и днем и ночью. Пит под пытками — его топят в воде, жгут железом, режут, бьют током, калечат, пытаюсь вытащить из него то, о чем он не имеет понятия. Я изо всех сил зажмуриваюсь и пытаюсь дотянуться до него

через многие сотни миль, передать ему мои мысли, сказать, что он не один. Но он один. Я ничем не могу ему помочь.

Бежать. Скорее прочь с этого места! Туда, где нет углей и пепла.

Я пробегаю мимо того, что было домом мэра, где жила моя подруга Мадж. Ни о ней, ни об ее родственниках ничего не известно. Эвакуировали их в Капитолий благодаря положению отца или оставили огню? Из-под ног поднимаются тучи пепла, я закрываю рот краем рубашки. Мне не хватает воздуха — не столько от того, что я вдыхаю, сколько от сознания, кого я вдыхаю.

Вот и Деревня победителей. Трава здесь тоже выгорела, и земля усыпана серыми хлопьями, но двенадцать домов стоят целы и невредимы. Я вбегаю в тот, где жила в прошлом году, захлопываю дверь и прислоняюсь к ней. Все осталось на своих местах. Чистота и порядок. Тихо до жути. Зачем я вернулась в Двенадцатый? Неужели думала найти здесь какие-то ответы? Ответы на вопросы, от которых не скрыться.

— Что мне делать? — шепотом спрашиваю я у стен. Я правда не знаю.

Приходят люди, разговаривают со мной. Все говорят и говорят. Плутарх Хевенсби. Фульвия Кардью, его деловитая помощница. Всяческие чиновники. Военные. Только Альма Койн, президент Тринадцатого, помалкивает. Наблюдает со стороны. Ей пятьдесят или около того. У нее потрясающие волосы, ни одной выбившейся пряди, даже ни одного секущегося кончика. Идеальные. Глаза — серые, но не как у выходцев из Шлака. Бледно-бледно-серые, такие светлые, будто все живые краски из них выкачали. То, что осталось, напоминает цветом грязный подтаявший снег в конце зимы.

Им нужно, чтобы я взяла на себя роль, которую они для меня придумали. Стала символом революции. Сойкой-пересмешицей. Бросить вызов Капитолию, вдохновить повстанцев — недостаточно. Теперь я должна стать настоящим лидером — лицом, голосом и плотью революции. Указать путь к победе. Я буду не одна. У них тут целая команда. Позаботятся о макияже, подберут одежду, напишут речи, организуют выступления — звучит до жути знакомо, не так ли? Мне останется только сыграть роль. Иногда я их слушаю, иногда только притворяюсь внимательной и разглядываю безупречно уложенные волосы Койн — может, это парик? В конце концов у меня начинает болеть голова, или сосать в желудке, или я чувствую, что начну биться в истерику, если сию же минуту не выберусь на поверхность. Не говоря ни слова, встаю и выхожу.

Вчера, перед тем как за мной закрылась дверь, я услышала слова Койн:

— Говорила же, что в первую очередь надо было спасти парня.

Это она о Пите. Я с нею согласна. Из Пита получился бы замечательный лидер. А кого они вытащили вместо него? Меня, не желающую иметь с ними никаких дел. Еще Бити, изобретателя из Третьего. Бити я почти не вижу — едва он смог садиться на постели, его подключили к работе оружия. Прямо на кровати отвезли в какой-то секретный отдел, и теперь он только иногда показывается в столовой. Он очень умный и рад внести свой вклад в борьбу, но повести за собой не сможет.

Потом — Финник Одэйр, секс-символ рыбацкого дистрикта. Это он не дал умереть Питу на арене, когда я ничем не могла ему помочь. Из Финника тоже хотят сделать вождя повстанцев, только сперва нужно добиться, чтобы он не

отключался каждые пять минут. Даже когда он в сознании, приходится повторять все по три раза, прежде чем до него дойдет. Врачи говорят, это из-за электрического шока, полученного на арене, но я знаю, что причина гораздо сложнее. Финник не может ни на чем сосредоточиться, потому что постоянно думает об Энни, сумасшедшей девушке из его дистрикта, — что с нею стало. Энни — единственная на земле, кого любит Финник.

В Тринадцатом я оказалась в том числе и по его милости. Но уже почти не держу на него обиды. Он, по крайней мере, понимает, каково мне. Да и трудно злиться на того, кто постоянно плачет.

Осторожно, стараясь не шуметь, обхожу первый этаж. Будто на охоте. Беру пару вещей на память: фотографию родителей в день свадьбы, синюю ленточку для волос, семейный справочник по лекарственным и съедобным растениям. Книга раскрывается на странице с желтыми цветами. Я быстро захопываю ее. Цветы нарисовал Пит.

Что же мне делать?

А нужно ли вообще что-то делать? Мои мама, сестра, Гейл с семьей наконец в безопасности. Другие — либо погибли, чего уже не исправить, либо укрылись в Тринадцатом. Есть еще повстанцы в других дистриктах. Конечно, я ненавижу Капитолий не меньше, чем они, вот только принесу ли пользу повстанцам, став Сойкой? Как я могу помочь дистриктам, когда любой мой шаг оборачивается страданиями и гибелью людей? В Дистрикте-11 расстреляли старика за то, что он насвистывал мелодию Руты. У нас, в Двенадцатом, стало только хуже после того, как я заступилась за Гейла, когда его хотели высечь. Цинну, моего стилиста, перед Играми избили и выволокли без сознания из Стартового комплекса. Осведомители Плутарха счита-

ют, что его убили на допросе. Цинна, такой умный, загадочный, великодушный, умер из-за меня. Нет, нельзя об этом думать. Иначе мой хрупкий разум не выдержит и я совершенно потеряю связь с действительностью.

Что делать?

Став Сойкой-пересмешицей... чего я принесу больше, пользы или вреда? Кто мне ответит? Чьему ответу я поверю? Уж конечно, не той компании из Тринадцатого. Клянусь, я бы сбежала оттуда. Если бы не одно «но». Пит. Знай я наверняка, что он погиб, ушла бы в лес — только меня и видели. Даже не оглянулась бы. Но пока ничего не известно, я связана по рукам и ногам.

Внезапно за спиной слышится какое-то шипение. Я оборачиваюсь. В дверях кухни, хищно изогнув спину, плотно прижав уши к голове, стоит самый уродливый кот в мире.

— Лютик! — вырывается у меня.

Тысячи людей погибли, а он выжил и даже не исхудал. Что же он ел? Мы всегда оставляли приоткрытым окно в кладовке, чтобы он мог приходить и уходить, когда ему захочется. Наверное, ловил полевых мышей. О другой возможности думать не хочется.

Я сажусь на корточки и протягиваю руку:

— Иди ко мне, малыш.

Ага, как же. Он злится. Мы бросили его одного. К тому же в руке у меня ничего нет, а еда — это основное, что до некоторой степени примиряло его с моим существованием. На какое-то время мы с ним, правда, едва не сдружились. Так вышло, что мы оба невзлюбили новый дом и, случилось, в одно и то же время приходили к старому. Теперь это в прошлом. Желтые глаза Лютика недобро сверкают.

— Хочешь к Прим? — спрашиваю я.

Кот пошевелил ушами. «Прим» — единственное слово, кроме собственного имени, которое что-то для него значит. Хрипло мяукнув, он подходит ближе. Я беру его на руки, глажу, потом достаю из шкафа охотничью сумку и без лишних церемоний засовываю в нее кота. По-другому поднять его на планолет не получится, а эта животина слишком много значит для моей сестры.

Ее коза Леди, от которой действительно есть толк, к сожалению, не показалась.

Голос Гейла в наушниках говорит, что пора возвращаться. Однако охотничья сумка напомнила мне еще об одной вещи, которую я хотела взять. Вешаю сумку на спинку стула и взлетаю по ступенькам на второй этаж, в свою спальню. В шкафу висит отцовская охотничья куртка. Я привезла ее перед Бойней из нашего старого дома. Подумала, что куртка будет напоминать матери и Прим обо мне, если я не вернусь, и, может быть, утешит их. Слава богу, иначе она бы тоже превратилась в пепел.

Кожа мягкая и приятная на ощупь. Сколько часов я провела, закутавшись в эту куртку! От воспоминаний на душе становится тепло и спокойно. Неожиданно ладони покрываются потом. Какое-то странное ощущение в затылке. Резко поворачиваюсь. Никого нет. В комнате порядок. Все на своем месте. Тишина. Меня испугал не звук. Тогда что?

Ноздри невольно вздрагивают. Запах. Тяжелый, неестественный. Среди высохших цветов на комодке что-то белое. Осторожно переставляя ноги, подхожу ближе. В вазе, едва видимая в кругу своих увядших сородичей, стоит белая роза — свежая и безупречная до кончиков лепестков, до последнего шелкового листика.

Я немедленно понимаю, от кого она.

От президента Сноу.

Задыхаясь от запаха, пячусь, поворачиваюсь и бегу прочь. Сколько она здесь простояла? Сутки? Час? Прежде чем мне разрешили сюда прилететь, здесь побывали разведчики повстанцев. Искали взрывчатку, жучки, все, что может представлять опасность. На розу они могли не обратить внимания. Всего лишь цветок. Только не для меня.

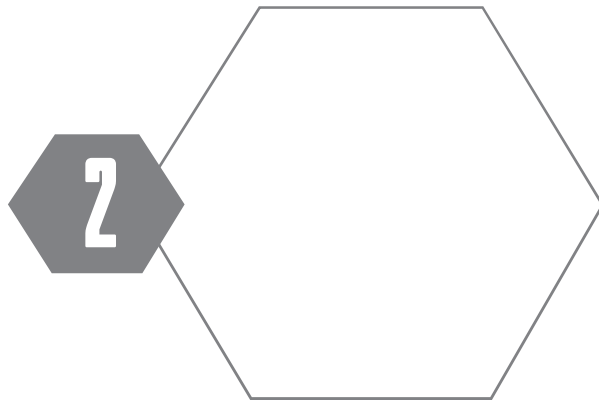
Внизу хватаю со стула сумку и по пути несколько раз задеваю ею пол, прежде чем вспоминаю, что она не пустая. Стоя на лужайке, отчаянно машу руками планолету. Толкаю локтем бьющегося в сумке Лютика, отчего тот приходит в еще большую ярость. Наконец появляется планолет и вниз спускается лестница. Становлюсь на ступеньку, и меня, обездвиженную током, поднимают на борт.

Гейл помогает мне сойти с лестницы.

— Все в порядке?

— Да, — отвечаю я, смахивая рукавом пот с лица и едва сдерживая крик: «Он прислал мне розу!» Лучше помалкивать, тем более когда за нами наблюдает Плутарх. Со стороны это будет похоже на бред. Будто я все это себе вообразила (что не исключено) или делаю из мухи слона. И в том и другом случае билет в страну наркотических грез, из которой я едва вырвалась, мне гарантирован. Никто другой не поймет, что такого страшного в цветке, пусть даже от президента Сноу. Потому что никто, кроме меня, не сидел с ним в кабинете перед туром победителей и не слышал его угроз. Это не просто цветок. Это обещание расплаты.

Белоснежная роза на комод — послание, адресованное лично мне. О том, что пора платить по счетам. «Я найду тебя. Достану где угодно. Возможно, я уже сейчас вижу тебя», — шепчет она.



Может быть, capitoлийские планолеты уже мчатся сюда, чтобы развеять нас по ветру? Все время, пока мы летим над Дистриктом-12, я жду нападения. Ничего не происходит. Через несколько минут я слышу радиообмен между пилотом и Плутархом о том, что воздушное пространство свободно, и немного успокаиваюсь.

Гейл кивком показывает на вопящую охотничью сумку:

— Так вот зачем тебе непременно надо было вернуться.

— Как будто был хоть один шанс его найти.

Сбрасываю на мягкое сиденье сумку — мерзкое существо внутри принимается угрожающе рычать — и сажусь напротив у окна.

— Заткнись.

Гейл садится рядом.

— Жуткое зрелище, да?

— Хуже не придумаешь.